

**МИХАИЛ
ЗАДОРНОВ**

**ГЕОПОЛИТИКА
ПО ЧЕСНОКУ**

Москва

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РОДИНА

2025

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46
А45

Алдонин, Сергей.

А45 Михаил Задорнов. Геополитика по чесноку / Сергей Алдонин. — Москва : Родина, 2025. — 240 с.

ISBN 978-5-00222-092-2

В этом издании впервые собраны беседы в Михаилом Задорновым, посвящённые вопросам актуальной политики. Писатель много лет назад предсказал многое из того, что стало очевидным только в последние годы.

Нужно ли бояться расширения НАТО и кого боится НАТО? Какие отношения с Китаем ожидают Россию? Как повлияли на нас и как связаны с мировой политикой бандитские битвы девяностых? Как Рональду Рейгану удалось победить СССР? Почему Украина забывает о славном советском прошлом? Будет ли Крым навсегда российским? На эти вопросы отвечает один из самых остроумных и мудрых людей современности. Книга выпущена к 75-летию со дня рождения выдающегося сатирика, писателя, патриота, который всегда общался со зрителями и читателями по правде. То есть — «по чесноку».

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)46

ISBN 978-5-00222-092-2

© Алдонин С., 2023
© ООО «Издательство Родина», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

<i>С. Алдонин. В его душе жила надежда</i>	6
Американская трагедия	15
Объединённая Европа против России	30
Чеченский реквием	53
Минобразин	71
Бандитский передел	84
Геополитика от князя Рюрика	99
НАТО — хитросплетения военного блока	112
Российский Крым	137
Несколько слов о товарище Ленине	144
Сталинские репрессии и мир инженеров	153
Легенды Великого Китая	163
Наш самый хитрый друг	196
Железный Войцех	205
Ставка Рональда Рейгана	216
Путешествие в страну мумий	223

В ЕГО ДУШЕ ЖИЛА НАДЕЖДА

75 лет назад, 21 июля 1948 года, родился Михаил Задорнов — писатель, который не только умел смешить, но и ставил вопросы, которые переворачивали нас с головы на ноги.

Это неправильно, нестерпимо грустно, что юбилей Михаила Задорнова мы отмечаем без виновника торжества. Как он был бы необходим именно в наше время, когда сбываются его самые заветные предчувствия. И тревожные, и радостные...

Лучший пересмешник

Остроумный, элегантный рижанин, он начал с самостоятельности авиационного института, с походов по редакциям, по отделам юмора и очень скоро стал незаменимым. Еще до горбачевской перестройки все знали его веселый рассказ о двух девярых вагонах, а Задорнов уже вел праздничные огоньки — к 8 марта, к 1 мая.

Сатирик — это пересмешник. Он научился язвительно рассуждать обо всем без исключения, открывая в привычных жизненных реалиях залежи идиотизма и абсурда. Получалось остроумно, блистательно. В конце 1980-х его голос повсюду звучал с магнитофонных кассет, задорновские шутки становились крылатыми, а на билеты на его концерты распродавались мгновенно, в любом городе СССР, даже реклама не требовалась. Тогда все ждали острой критики — и Задорнов талантливее других высмеивал советские нелепицы. И все хохотали над тем, что у нас «шпингалет не с той стороны привинчен».

Михаил Задорнов предупреждает!

Потом он говорил, что сожалеет о некоторых своих репризах времён поздней перестройки. Задорнов сочинял из на кураже и подчас издевался над святынями, которые не стоило тревожить. Он умел признавать собственные ошибки: «Мы невольно приблизили распад Союза, многих людей настроили не только против власти, но и против страны. Это было помрачение умов. Захлестнул азарт. Мы ловили успех и не думали, что всё обрушится. Сейчас я писал бы по-другому...». Эти слова Михаил Николаевич повторял часто, на разные лады. Это сидело в нём. Вообще-то сатирик не обязан быть охранителем, должен кто-то и расшатывать больные зубы... Но он раскаивался — один из немногих среди властителей перестроечных дум. Задорнов умел не только веселиться, но и грустить, и сочувствовать тем, кто трагически пострадал от «шоковой терапии» девяностых. При Ельцине он легко мог стать придворным острословом с гарантированным ангажементом и высоким положением «у корми-

ла власти». Но его шутки в 90-е становились всё горше, а политические оценки — резче. Задорнов стал невыносимым для власти. У него и в постсоветское время, когда, как считалось, не было цензуры, насчитывались десятки «непроходных», полузапретных миниатюр. Он стал чужаком для той развеселой прослойки, которая «дербанила» Россию. Вся страна видела, как патриотическая закваска в его душе побеждает модное высокомерие по отношению к Отечеству. Он менялся. Быть может, потому, что всегда помнил о своем отце — Николае Задорнове-старшем, у которого унаследовал и уважение к прошлому страны, к ее героям, и артистизм. Дальний Восток, Амур — для всех Задорновых это родные места. Как и принципы капитана Невельского, стеной стоявшего за Россию, не ожидая не только наград, но и простого понимания. Как ощущение Родины. Почти в каждом разговоре он обращался к урокам отца и его героев.

Театр Михаила Задорнова

Иногда он превращался в варяга из рюриковой дружины, иногда — в витязя, который усмехается перед сражением, подчас — в книжника, который постиг алхимию языка. Это театр Михаила Задорнова. Скучно жить без перевоплощений. Одно ампула, один краткий земной срок — этого ему было мало. Михаил Николаевич менял маски, постоянно устраивал мистификации. Они начинались ещё до порога, до той самой вешалки, о которой говорил Станиславский. На автоответчике телефона, в слухах, которые бежали впереди него. Но при всём своём натренированном лицедействе слову, честному слову Михаил Задорнов не изменял. Как не изменял своим идеалам, своим представлениям о благородстве. И поэто-

му ему верили — и друзья, и читатели, и зрители. Даже в последние годы, когда доверие в таком дефиците, что куда там колбасе советских времен! Подхватывали его шутки, считывали намёки, когда он держал паузу. Он верил в фольклор. В вечную народную стихию, которая сохраняет всё лучшее, отбрасывая шелуху. И в литературе высоко ценил именно фольклорное начало. Легенды, сказки, пословицы — наверное, это и есть бессмертие. А Задорнов блёсток рассыпал немало, многое останется в поговорках, в анекдотах. Он создал собственный жанр, в котором немало от народных дразнилок, от юмористических сказок. И стал собеседником для миллионов людей. Лучшей участи, наверное, и не нужно.

Чего ему точно не грозило — так это стать «памятником себе». Задорнов всегда был готов познавать новое, спорить, искать истину. Признаюсь, мне однажды довелось переубедить Михаила Николаевича. Много лет он невысоко оценивал политику Екатерины Великой. Немка на престоле, равнодушная к русским интересам — примерно так понимал Задорнов суть ее правления. Это есть в его первых книгах о Рюрике, о славянах. Всё изменилось, когда однажды, после интересного разговора об истории я послал ему сочинения императрицы, включая пьесу о Рюрике, которая во многом подтверждала его — задорновские — гипотезы. С тех пор он никогда не говорил о Екатерине пренебрежительно. При его славе и таланте, Задорнов не потерял умения прислушиваться к людям. Какая это редкость!

Главное в человеке

Задорнову хватило нескольких реприз, чтобы уничтожить в головах миллионов русских людей ореол аме-

риканского величия, сложившийся к концу 1980-х. Мы опрометчиво недооценивали американскую агрессию. Даже не военную. Опаснее всего — битва за умы, в которой Штаты научились побеждать, приучая всех к своим ценностям. Они мастера выменивать золото на стекляшки — и без борьбы не сдаются. Задорнов принял этот бой одним из первых. Он видел, что Европа уже стала думать по-американски и не желал такой судьбы для России. Он вышучивал американскую самоуверенность не на потребу публики. Скорее — делился своими открытиями. Задорнов многое понял, изучая психологию американцев, их язык: «Когда русские заглядывают в комнату и видят, что там никого нет, они говорят “ни души”. То есть, главное в человеке это душа. А англодумающие в таких случаях говорят «no body» — нет туловища, тела. Это очень точно отражает их психологию. Для них — человек это тело, а для нас — душа». Того, кто понял суть этих слов, непросто будет обмануть. Задорнов вооружал нас против лжи. Многим запомнилось его восклицание: «Ой, ну, тупы-ые!» Этими словами Задорнов как будто расколдовывал тех, для кого американцы превратились почти в полубогов. Конечно, он и о современной России писал без восторга — видел и воровство, и беспамятство, а подчас и предательскую подлость чиновников. Видел молодежь, которая не знает, кто брал Берлин, кто победил коричневую чуму в 1945 году... Писал и говорил об этом прямо, не считая себя вправе закрывать глаза на уродливые проявления нашенского капитализма. Так повелось среди русских сатириков со времен Антиоха Кантемира и Ивана Крылова — смеяться и плакать, но не лгать. Задорнов был их достойным продолжателем. И видел мир не темных тонах. В его душе жила надежда. «Среди русских людей сохранились уникальные умы с горячими

сердцами, которые еще могут стать зажигалками для нашего будущего. И их не так мало, как кажется», — писал Задорнов. И это тоже одна из ключевых и самых выстраданных его мыслей. Он искал и находил единомышленников.

При этом он никогда не превращался в официально-подпевалу властей. Просто не имел на это право. Если поддерживал Кремль — так и писал. Такое бывало. Но не переставал видеть недостатки и вышучивал их с прежним куражом. Никаких громких должностей не занимал, ему хватало имени. Михаил Задорнов — эти два слова говорили и говорят о многом, ему этого хватало. Хватало того, что его ждут в любом городе бывшего Советского Союза. И не только по старой памяти, не только из ностальгии. Успех сопутствовал и новым задорновским шуткам. Даже частые выступления по телевидению не перечеркнули интерес к его выступлениям и книгам.

А еще он мечтал о славянском единстве. Понимал, насколько это важно — корневое родство народов. И как страшно искусственное, обманное разъединение. «Хочу разочаровать людей в кривде во имя того, чтобы мы не разъединились навсегда», — говорил он, когда на Украине только начинали создавать Антироссию. Думаю, слово Задорнова многих перетянуло на сторону братства. Ему верили, а он верил, что одно слово правды весь мир перетянет. Победить кривду пока не удалось, хотя Задорнов и сегодня многим помогает не потерять себя. И частенько в интернете, и в «реале» можно услышать: «Как не хватает его сегодня». Жизнь развивается бурно — и многие спрашивают сами себя, а как бы отнесся к тому или иному событию Задорнов, над чем бы он шутил сегодня... Для многих без него мир потускнел. С этим трудно не согласиться. Задорнова никто не заменил, даже отчасти. Во многом мы по-прежнему говорим его языком, повторяя его репризы.

Смотрим на реальность его глазами. Нередко это помогает не впасть в отчаяние.

Когда он тяжело заболел — невозможно было примириться, что такой пылкий, неутомимый, переполненный разнообразными планами человек может вдруг остановиться. Ведь Михаил Николаевич Задорнов жил бегом. С концерта — на экскурсию, с деловых переговоров — в археологическую экспедицию, с тренировки — к письменному столу. Другой судьбы он для себя не представлял, потому и успел так много. Как не хватает его сегодня... Но осталось слово, осталась интонация, остался бунтарский дух человека, который знал и любил Россию. Не рабской, а творческой любовью.

Для Задорнова всегда были важны заветы русской литературной классики. «Служить бы рад, прислуживаться тошно», — этой планки в наше время достигают очень немногие. О ней предпочитают забывать. А для него это был принцип жизни.

В этой книге собраны беседы с Михаилом Задорновым, связанные с политикой, прежде всего — с геополитикой. Эти материи чрезвычайно его интересовали, Михаил Николаевич часто искал и находил в истории ответы на самые животрепещущие вопросы. Он не был «всезнайкой», экспертом на любую тему. Таких сегодня немало в ежедневных политических телевизионных шоу. Из откровения стоят недорого: эти господа легко меняют свои убеждения, каждый сезон красуются новыми прожектками, учитывая законы конъюнктуры, а точнее — выгоды. Отрабатывают заказы. Задорнов такими вещами не занимался и в телевизионных шоу его можно было встретить нечасто. Ему верили, потому что сатирик не играл по чужим правилам. Задорнов тоже иногда менял свои убеждения — и прямо об этом говорил. Но это было связано с движениями его свободного ума, ино-

гда — с прочитанными книгами или с новыми фактами, которые заставляли иначе взглянуть на прошлое. Обращаясь к каждой теме, он обязательно много читал, штудировал новые исследования, иногда общался со специалистами по проблематике, которая вдруг начинала его интересовать. И, хотя он и не был самым дотошным студентом МАИ, всё-таки будем помнить, что писатель совмещал воображение гуманитария с разумом технаря. Поэтому он так дельно рассуждал, например, об атомном проекте. Понимал, что к чему. Для него труд физика или инженера не был абстракцией. И Задорнов считал технические прорывы главными событиями XX века. Больше всего он сожалел о том, что в последние годы мы утратили свое инженерное сообщество. Из-за этого, по мнению Михаила Николаевича, страна поглупела. Как с этим спорить? Мы слишком часто отмахиваемся, отгораживаемся от горькой правды. А Задорнов говорил напрямую. В России испокон веков уважают таких правдолюбков. Только таким и верят. Для Задорнова это было не только творческим счастьем — хотя, конечно, он мечтал о признании. Писатель понимал, какая ответственность связана с народным доверием. И никогда не относился к своей публике свысока. Даже к самым наивным слушателям. Мог пошутить и над ними, и над собой. Но высокомерием не страдал. А ведь как велик был соблазн при такой громкой славе!

Многие из этих бесед состоялись давно. 10, 15, 20 лет назад. С тех пор многое изменилось. Кое-что — к лучшему. Например, ситуация в Чеченской республике. Но большинство прогнозов Задорнова сбываются. В том числе — невесёлые. Он мечтал о суверенной и просвещённой политике, в том числе — международной. Был уверен, что Россия должна всему миру показывать не только бомбы, но и культуру.

История была для Задорнова главным увлечением последних лет. Серьезным, хотя зачастую сатирик виртуозно выступал под маской шутника. Не менее важно его увлечение всей жизни — образная русская речь, которой он восхищался. Он начал с загадок древности, но вскоре перешел и к загадкам XX века. Мечтал сделать цикл фильмов, посвященный загадкам русской истории всех времен. Без предрассудков, без заказухи. Болезнь остановила этот замысел, остались только черновики и небольшие беседы, интервью, которые, как мы надеемся, не разочаруют вас. Да Задорнов и не способен разочаровывать.

Сергей Алдонин

АМЕРИКАНСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Инструкции американские — это вообще отдельная история. Я купил себе одеяло, на котором было написано: «Не использовать как защиту от торнадо». То есть бесполезную покупку сделал практически! Фен «не использовать во сне». Вы пробовали фен во сне использовать когда-нибудь? Утюгом «не гладить на себе». Мобильный телефонный аппарат «прикладывать только к уху». Бенгальские огни «не брать в рот». Ну всем же хочется пожевать бенгальский огонь! Плавательные шапочки «надевать только на одну голову». Бензопилу «не останавливать голыми руками или гениталиями». Видимо, случаи были. «Наливать из бутылки, предварительно открыв бутылку. Открытую бутылку держать горлышком вверх!» Памятка в кабине грузовика: «Водитель, помни! Предметы, отражающиеся в боковых зеркалах, находятся сзади, а не впереди тебя». Если горе от ума, то понятно, почему большинство американцев чувствуют себя счастливыми.

О феномене Америки мы решили поговорить с главным знатоком этого вопроса — писателем Михаилом Николаевичем Задорновым.

— Михаил Николаевич, Вы очень сердиты на американцев?

— Считается, что я первый обрушился на Америку. Многие из нынешних критиков США вольно или невольно меня цитируют. Но, честно говоря, первым был не я. Прежде всего, достаточно вспомнить повесть Ильфа и Петрова «Одноэтажная Америка». Недавно перечитывал и удивлялся — ощущение, что с тех пор ничего не изменилось. Ещё они высмеивали, идя по Бродвею,

«дрессированное электричество», затмевающее разум. Помните эту книгу? А еще чуть раньше об Америке писал Сергей Есенин:

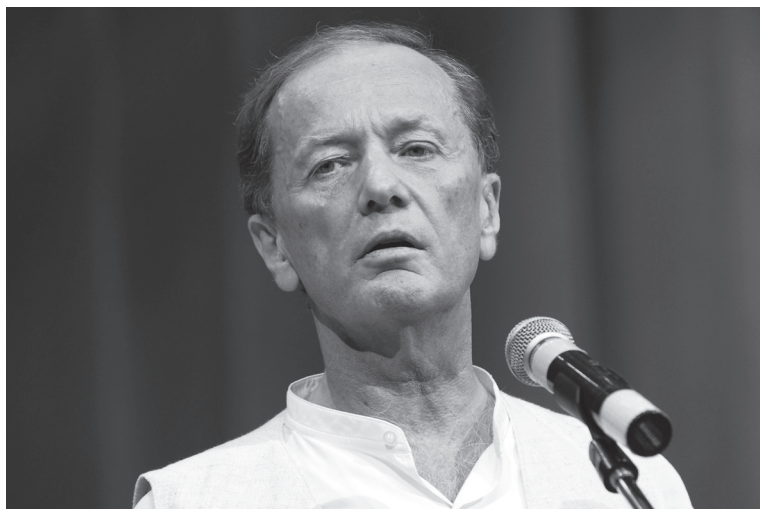
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Всё курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца,
Проходимец и джентльмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково — бизнесмен.
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льёт.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жульё.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она — мировая биржа,
Вот они — подлецы всех стран.

По-моему, очень точно о современной Америке. Неужели там почти ничего не изменилось за эти годы?

— Выходит, Америка обречена на участь мирового пугала?

— Все-таки не могу так сказать. Мы иногда впадаем в новую крайность — считаем американцев круглыми идиотами. А это приводит к недооценке противника. Именно противника, потому что, скажу честно, дышать свободно они нам не дадут. Когда я говорил, что американцы «тупые» — это, конечно, был эстрадный номер. Но честный. По законам жанра, нужно сгущать краски, но говорить правду. По большому счету правду. В те годы наша страна (и, что печально, почти половина человечества) пребывала под гипнозом американского туповатого голливудского обаяния. Я, как мог, пытался этому противостоять. И, мне

кажется, кое-что получилось. Тупизну америкосов я показал со всех ракурсов. Но сейчас настало другое время. Мы должны вернуться к самокритике. Остроумной, талантливой, злой. Иначе просто погрязнем в коррупции, в этой ржавчине, которая заполняет собой всё. Иногда мне кажется, что под толстым слоем коррупции у нас почти ничего не остается. Что мне нравится в американцах? Они с утра друг другу улыбаются. Наши с утра ходят с таким выражением лица, как будто всю ночь провели у практиканта-стоматолога, который учился на сплошные «двойки». У нас в стране самая искренняя улыбка — у Крошки-Енота из мультика. Ощущение, что у русских атрофированы мышцы, отвечающие за улыбку. У наших даже есть присказка — если кто-то без причины улыбается, ему говорят: «Что это ты, мать-перемать, включил улыбальник?» В США только один тип полицейских, которым можно смело предлагать взятку, не боясь, что тебя арестуют — это лежащие полицейские. А у нас?

Михаил Задорнов

— У нас — совсем другая история.

— Не сумеем прямо и откровенно говорить о своих ошибках, о своем доморощенном идиотизме — останемся мальчишками для битвы в любом соперничестве с теми же американцами. Давайте снова говорить о нашей проклятой показухе. Мы всегда считаем себя умнее других, поэтому постоянно оказываемся в дураках. А недостатков у нас полным-полна коробушка. Помните, как в одном сибирском городе на улице, по которой должен был ехать Медведев, покрасили все дома (естественно, только с фасадной стороны). Причём, несколько домов закрасили полностью, вместе с окнами. Люди встали утром, ничего не видно. Только непроглядный темно-зеленый цвет. А вообще жизнь умнее и сложнее, чем любая схема. Всю жизнь я пытался пробиться к людям, рассказывая, что всё не совсем так, как учат стереотипы. Проклятые стереотипы. Знаете, в чем самая уязвимая слабость американцев?

— Расскажите.

— В том, что они не просто верят стереотипам, а глубоко в них погружены. Так нырнули, что другой реальности уже не представляют. У них Голливуд в башке и в сердце. И компьютерные игры. Хотя сейчас уже трудно отличить кино от компьютерных игр... А настоящая жизнь совсем другая... Но она проходит мимо них. К счастью, мы в России в этом смысле свободнее. Свободнее от стереотипов. А американцам сказали, что политкорректность — это хорошо, и они будут ходить по струнке, даже не задумываясь, что сказанное можно подвергать сомнениям. Им так легче, они так привыкли. Но это зыбкий, опасный комфорт, жизнь во лжи. Нам когда-то казалось, что в СССР много неправды, много навязчивой идеологии. По сравнению с американцами наш Сулов был просто пророком правды и свободы. Ни партия, ни школы не давали нам погрязнуть в стереотипов. Потому что, в первую очередь, нас учили мыслить самостоятельно. Ведь мы были

страной писателей и ученых, физиков и лириков, а таких людей ходить по струнке не заставишь. Другая система! И мне жаль, что она пропадает, рассеивается. Хочется собирать ее по крупицам. Здесь надо сделать небольшую оговорку. Когда я говорю о стереотипности мышления американцев, я имею в виду их подавляющее большинство. В то же время, у них есть и думающее меньшинство. Я знаю некоторых из этой когорты. Это как раз университетские профессора, ученые, писатели, кинематографисты, некоторые рабочие, которые хотя бы что-то читали и не хотят жить по законам скороспелой моды... Вот, например, Оливер Стоун.

— **Замечательный режиссер.**

— И по-настоящему свободомыслящий человек. Вот из-за таких людей я уважаю Америку. Ведь его не сажают, не высылают... Он не боится выступать против американских стереотипов. И он — американец. Это самые ценные люди, бунтари в высоком смысле слова — как Робин Гуд и Спартак. Стоун утверждает, что все, через что пришлось пройти его стране, начиная с 11 сентября 2001 года, было для него личным кошмаром. И не просто говорит, но снимает об этом умные фильмы. Так что разные бывают американцы. Но, судя о них, мы вправе опираться на точку зрения и образ жизни большинства. Таковы законы социологии. Они объективны. Но будем помнить и об исключениях их правил. Не будем забывать про Оливера Стоуна. Или про Эрнеста Хемингуэя, если говорить об ушедших поколениях. Вот кто был другом и нашей страны, и революционной Кубы, которую американцы беззастенчиво пытались придушить. Еще один настоящий бунтарь — Сноуден. За что его пытаются стереть в порошок американская судебная система? Об этом даже смешно говорить. Тут не надо быть писателем, достаточно просто пересказать то, что есть. Какой он предатель? Что он интересного поведал миру? Что америкосы всех подслуши-

вают через айпады и айфоны? Я об этом писал еще год назад во всех своих блогах. И не я был первым. Все неглупые люди на земле об этой изысканной бессовестности знают.

— **Как вы относитесь к тому, что Россия приютила беглого Сноудена?**

— Я ликовал, когда об этом узнал. Неужели правда, что наши начали работать над созданием какого-то настолько серьёзного оружия, что решили больше перед Америкой не шестерить? Даже не верится. А вооружаться пора, давно пора. Они на нас двинутся. Тут к бабке не ходи.

— **Мы для них — не часть демократического мира?**

— Смеюсь. Когда Россия пошла по пути демократии, она сразу превратилась в бандитскую, воровскую державу, в которой упало образование, поскольку чернь-лоходрань должна не размышлять, а верить! Как верили в очень Средние, с точки зрения образования, века крестоносцам в то, что они несут в мир слово Божье. Только необразованное мировое большинство может искренне считать, что демократия — это власть народа. Ерунда. Да, слово «демос» древнегреческое, но оно никогда не обозначало народ. А точнее лишь ту его часть, которая имела право голосования на выборах. В первую очередь это были люди, завоевавшие доверие власти своим состоянием. Элита! VIP меньшинство! Античное олигархье. А безголосое большинство называлось — охлос! От этого звучного слова до сих пор в русском языке — охломон. Было также замечено, что теми, кто участвовал в выборах, руководят, как правило, чувства низменные: выберем того, кто обещал завоевать, отомстить, наказать. То есть мечты у голосующих были бесовские, демонические. Поэтому их и называли демосом. От слова «демоны». А потому правильно сегодня говорить не демократия, а демоНкратия. «Кратос» — «делить». Демоны делят рабов-охломонов. Казалось бы, сегодня всё по-другому. Теперешняя демократия — выбор большинства. Но вы вдумайтесь, ведь

это ещё страшнее! Большинство в любой стране состоит из тех, кто воспитан биланопопсой, покемонокомиксами, теледомами 1, 2, 3 и кинообсериалами.

— Но все знают о Вашей нелюбви к Америке...

— Я говорил, что американцы — тупиковая ветвь человечества. Преувеличивал, конечно. Но аргументы-то есть. Они на похороны берут венки напрокат. Семечки едят очищенные, а наши в этом процессе карму сплевывают. У американцев арбузы без семечек. На рыбалку американцы приезжают, заранее договорившись с фирмой, что та им лунку просверлит и палатку поставит. Едут на пикник, сворачивают в лес, а там уже трава расстелена, розетка в дупле. Нашу песню про Стеньку Разина они не понимают: раз выкинул за борт, его судить надо. Сотни лет поют поздравление с днем рождения одной строчкой. Разгадывают примитивные кроссворды. Не воспринимают Чехова — «Вишневый сад надо сдавать в аренду, и нечего переживать». Не видят разницы между гобеленами и фресками. Американские фильмы сняты по системе рефлексов Павлова: показал ягодицу, стрельнул в воздух — слюна пошла. Они не читали Дюма. Только американцы в экранизации «Трех мушкетеров» могли показать мушкет с оптическим прицелом и мушкетеров, владеющих карате. Или возьмем процесс Моника Левински против Клинтона. Он мог идти около двух лет только в США, в стране без чувства юмора. Насколько тупо большинство! Всерьез обсуждают: виноват, не виноват. Кризис во всем мире. Масштаб причин для импичмента президента: у нас — война в Чечне, у них — Моника платье не стирала несколько лет. В Конгрессе требовали предъявить фотопечатки органа, которым Клинтон ее добивался.

— Они — рабы судов и судей, постановлений и приговоров? Прирождённые сутяги и стукачи?

— Рабы судов и всяческих предписаний. И сутяги, конечно. Мне приходилось видеть американцев, которым

надо было что-то записать на бумажке, а не только набрать на компьютере. Я обратил внимание на то, что они практически не умеют писать, у них нет почерка. Мы, воспитанные в советской школе уроками чистописания, пишем легко, управляя ручкой двумя пальцами сверху и лишь немножко поджимая большим пальцем снизу. Молодые американцы пишут полукулаком. Они держат ручку тремя пальцами — указательным, средним и безымянным, а управляют большим. Так ухватит ручку обезьяна, поскольку именно так она привыкла держать банан.

Многие в Америке сегодня пишут левой рукой только потому, что не знают, что можно писать правой. А у некоторых ручка вообще торчит между указательным и средним пальцами, как будто они вам показывают этой ручкой фигу. У молодых американцев нет почерка, а значит, у них исчезают особенности характера. Почерк — отражение характера. Их почерк хватает только на то, чтобы поставить подпись, поскольку по подписи сверяется твоя личность и соответствовать она должна твоей подписи на кредитной карточке. В подписи есть смысл, в остальном — нет. Все заменено компьютером.

— **А американская культура?**

— Практически Америка сама себя высекла, сама себя наказала. Она была образована как страна приехавшего со всех концов света сброда. Конечно, к преступникам, сбежавшим от наказания в своих странах, к авантюристам, к бизнесменам, желающим в первую очередь обогатиться, в свое время присоединялись и романтики, такие как Фенимор Купер, но их было настолько мало, что сегодня в Америке таких людей почти не осталось. И даже высокая литература, рожденная этими романтиками, прекратила существование. Литература и писатели — это совесть страны. Сегодня в Америке совести нет. В Америке нет писателей. В Америке есть те, кто пишет компьютерные романы. Компьютер сегодня — совесть Америки. Мне